

Васька-пьяница и Кудреванко-царь (2)

А ишше шли-де туры подле синё морё,
А переплыли туры дак за синё морё,
А переплыли туры-ти на Буян-остров.
А идут по Буяну, славному острову,
А им настрету — турица златорогая,
Златорогая туриця однорогая,
А [и]шше им-то туриця — родная матушка.
Говорыт тут-то туриця златорогая:
«Уж вы здрастуйте, вы туры вы златорогие!
Ишше где же были, где вы хóдили?»
Отвечают туры ей златорогие:
«Ишше были мы, матушка, во Шахови,
Государыня наша, мы были во Ляхови;
Нам случилосе итти мимо стольней Киев-град,
Мимо Божию-ту церковь Воскрисеньскую;
Выходила девица из Божьей церкви,
Выносила она Книгу на буйной главы
А забродила в Неву-реку по поесу,
Она клала где Книгу на сер-горюць камень,
Она клала, читала, сама слезно плакала».
А говорыт им турица златорогая,
Златорогая туриця однорогая:
«Уж вы глупые туры, вы неразумные!
Не девица выходила из Божьей церкви,
А выходила Мати Божья Богородица;
Выносила она Книгу Евангелье,
Выносила Евангелье на буйной главы,
Забродила в Неву-реку по поясу,
Она клала Евангелье на сер-горюць камень,
А читала-де Книгу, слезно плакала:
Она цюёт над Киевом незгодушку,
Она цюёт-де над Киевом великую!
Подымаицьсе собака Кудреванко-царь
Со любимым со зятилком со Артаком,
А со любимым со сыном он со Коньшиком.

А у Коньшика силушки было — сорок тысицей,
А у Артака силы-то было — сорок тысецей,
А у самого собаки — дак цисла-сметы нет,
Цисла-сметы-де нету, пересметушки!..»
Как стоял-то сузёмощёк лесу темнаго —
Подходило царишшо Демьянишшо,
А становило шатры чернополотняны.
Тут покрыло луну в поли краснаго солнышка
От того же от пару лошадиннаго,
А от того же от духу от тотарьскаго.
А как садилосе царишшо на ременьцят стул,
Он писал-де ёрлыки скорописьцяты.
Не пером он писал, не чернилом же —
Вышивал-де он золотом по бархату;
А писал он ерлыки, запечатывал.
А выходил царишшо да из черна шатра,
А скрычал он своим да громким голосом:
«Уж вы ой еси, пановье-улановье,
Ишше все мои поганые тотаровье!
А ишше хто из вас съездит да в красен Киев-град
А свезёт ерлык да скорописьцятый?»
Выбиралосе Издолишшо проклятоё;
Он брал-де ерлыки во белы руки,
А скорёшенько скакал на добра коня.
Он и в город-от поехал не дорогою,
Он в Киев-от заехал не воротами —
Он скакал цезез стенишки городовые,
Цезез те же он башонки наугольные.
А он прямо-де едёт ко грядьни княжоневское.
Соскоцило Издолишшо со добра коня —
Оставляёт коня он не приказана,
Не приказана коня он, не привязана.
А скорёшенько бежало на красно крыльцо,
Отворяёт ворота, двери на пятау.
Он Господу Богу не молиццэ,
Он князю Владимиру челом не бьёт,
Он кнегинушки Опраксии не кланеицсэ.
А бросало Издолишшо ёрлык дак на дубовой стол,
А бросал он, кинал — да сам вон пошол.

А берёт князь Владимир ерлык в руки,
А берёт князь Владимир, распечатыват,
А читает ерлык, дак сам слезно плачет.
А собирал князь Владимир бал, почесьён пир,
А он про тех же про князей, про бояров,
А он про руських могущих боғатырей,
А он про тех поленицей при(й)удалых,
А он про тех же казаков со тиха Дону,
Он про тех же калик перехожие,
Перехожие калик было переброжие,
А про тех же хресьянушок прожитосьних.
А ишше все-де на пиру дак напивалисе,
Ишше все же на чесном дак наедалисе,
Ишше все же на пиру сидят пьяны-весёлы —
А весёлая беседушка не на радошшах.
А говорит князь Владимир таковы слова:
«Уж вы ой еси, князи мои, все бояра,
Уж вы руськие могучие мои боғатыри,
Ишше все же поленицы вы при(й)удалые
А ишше все же хресьянушка прожитосьни!
Ишше хто из вас съездит да во чисто полё
А пересметит-де силушку у Скурлака,
Привезёт пересмету в красен Киев-град?»
Ишше большой-от хороницьсе за среднего,
Ишше средней-эт хороницьсе за меньшего,
А от меньшого там, браццы, — ответу нет!
А говорыл князь Владимир по второй након:
«Уж вы ой еси, князи вы, все бояра,
Уж вы руськие могучие мои богатыри,
Уж вы все же поленицы при(й)удалыи,
Уж все же казаки со тиха Дону,
Уж вы все же калики перехожие,
Уж вы все же хресьянушка прожитосьни!
А ишше хто из вас съездит да во чисто полё
А пересметит всю силушку Скурлака,
А привезёт пересмету в красен Киев-град?»
Ишше большой-от хороницьсе за среднего,
А средней-от хороницьсе за меньшого,
А от меньшого там, браццы, — ответу нет!

Говорыл князь Владимир по третьей након.
И-за того же з-за стола было з-за окольнёго,
Из-за той з-за скамеецьки было белодубовой
А выстава-де удаленькой доброй молодец,
И кабы на имя Добрынюшка Микитиць млад.
А ставаёт Добрынюшка на резвы ноги,
А говорыт тут Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
А Вы позвольте-ко мне-ка слово сказать —
Не позвольте меня за слово сказнить,
За слово меня сказнить, скоро повесити!»
А говорыт-то Владимир стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
Говоры-ко, Добрыня, тебе що надобно».
А говорит тут Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты солнышко Владимир наш стольне-киевской!
А на твоём на кружале есь государевом,
А на твоём на царевом большоём кабаки
А ишше есь где-ка Васька, горька пьяница.
Он можот-де съездить да во чисто полё
А пересметити силушку Скурлака,
Привезти пересмету в красен Киев-град!»
А надевал князь Владимир шубку соболью;
А побежал по кружалу государеву,
А ко тому же ко цареву большому кабаку,
А заходил тут Владимир во царев кабак —
Тут и спит где-ка Васька, горькая пьяница.
Он спит-де на пеценьки на муравленой;
Он спит-де, храпит — да как порог шумит.
А говорыт князь Владимир таковы слова:
«Уж ты стáнь-ко, Васíлей, пробужáйсе,
Со великого похмѣльиця направляйсе!»
Говорыт ему Васька, горькая пьяница:
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
А не могу-де я стать да головы поднять:
И болит у меня ведь буйна голова,
И шипит у меня да ретиво серцо».
А говорит князь Владимир таковы слова,
Говорит он цюмаку-человальнику:

«Наливай-ко-се чарочку зелена вина,
Ты не малу, не велику — полтара ведра!»
А наливал цюмак чароцьку зелена вина —
Подавали где Васьки, горькой пьяницы.
А он сел-де на пеценьки, Васька, на муравленой:
Он будто старык дак девеноста лет.
Он прималсэ за чарочку единой рукой —
А выпивал-де он чарочку к единому духу.
А он слез-де со пеценьки со муравленой.
А говорит князь Владимир таковы слова,
Говорит он цюмаку-человальнику:
«Наливай-ко-се чарочку по второй же раз!»
А наливал цюмак чарочку по второй-де раз —
Подавали тут Васеньки, горькой пьяницы.
Как прымаицсэ за чарочку единой рукой —
А выпиваёт он цяру к единому духу.
Говорит князь Владимир цюмаку да человальнику:
«Наливай-ко-се цяроцьку по третьей раз!»
А наливал цюмак цяроцьку по третьей раз —
А подавали где Васеньки, горькой пьяницы.
Как прымалсэ Василей за чару единой рукой —
Выпивал-де он цяроцьку к единому духу.
А он нацял по кабаку похаживать,
А и белыма руками стал помахивать,
А он русыма кудрями стал натряхивать:
А он и стал, молодець, да дваццати годов.
Говорыт-то Василей таковы слова:
«Ус ты солнышко Владимир стольне-киевской!
А послужил бы я тебе я верой-правдою,
Неизменушкой я тебе великою —
А заложена у мя сбруюшка боғатырская,
А заложон у мя нонеце доброй конь,
А заложон у мя ноньце тугой лук,
А заложена вся сбруюшка боғатырская!
А не во сти рублях и не в пети же стах,
А заложоно у мя ведь в пети тысецях!»
А говорыт князь Владимир таковы слова,
Говорыт он цюмаку-человальнику:
«Ты отдай-ко-се коня Васеньки доброго,

Ты отдай-ко-се ему сабельку вострую,
Ты отдай-ко-се ёму копье долгомерное,
Ты отдай-ко-се ему палицу боёвою,
Ты отдай-ко-се ему нонеце тугой лук,
Ты отдай же кольцюжину каленых стрел,
Ты отдай же всю сбруюшку боғатырскую!»
А отдаёт человальник всю сбрую боғатырскую.
А пошёл-де Василей да со царева кабака,
Он со тем же со князём со Владимиром
А по тому по кружалу государеву
А ко тому ко широкому к дому княжоневскому.
А говорит-то Василей таковы слова:
«А уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
А ишше сходим мы с тобой на высок балхон,
А посмотрим-ко из трубочки подзорною,
А посмотрим на рать-силу великую».
А побежали со князём на высок балхон,
А смотрели из трубочки подзорное,
А смотрели на рать-силу великую —
А завидели шатры чернополотняны,
А завидели царишша Демьянишша.
Тут натегивал Васенька свой тугой лук,
Он тугой свой лук нонь розрывцивой,
Он клал-де-ка стрелоцьку каленую:
«Полети-ко, моя стрелоцька каленая!
А не на землю падай, не на воду —
Ишше прямо ты к царишшу во черны груди;
Роспори-ко у царишша черны груди,
Росколи-ко у царишша ретиво серцо!»
А полетела тут стрелоцька калёная —
А не на землю падала, не на воду,
А она прямо ко царишшу во черны груди:
А распорола у царишша черны груди,
Росколола у царишша ретиво серцо.
А ишше тут-то царишшу славы поют,
А славы-де поют и старину скажут.
А тут пошли они со князём со висока балхону.
А говорит это Василей, горька пьяница:
(Он седлал-де, уздал себе концецька доброго,

А накладывал уздиценьку тесьмянную,
Он накладывал седёлышко черкальской,
Он вязал-де подпруги все шелковыя,
Он двенацать под[п]руг да шолку белого,
Он тринацату под[п]ругу — через хребетну кость):
«А мне не ради басы было — ради крепости,
А ишше ради окрепы боғатырьское,
Ишше ради поезки молодецкой!»
А только видели: молодець на коня скоцил,
А не видели поезки боғатырьской.
А он доехал до силушки до великое,
Он начал по силушки поежживать,
А он вострой-то сабелькой стал помахивать.
Он куда не приедёт — улицэй валит,
А назадь отмахнёт, дак тут — плошшадью.
Он бил-де, рубил силу трои сутоцьки —
А перебил он всю силушку поганую:
А не оставил тотаровям на семена!
Тут поехал Василей в красен Киев-град —
А стречаёт Владимир стольне-киевской.
Говорыл-де тут Васенька, горькая пьяница:
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
А послужил я тебе верой-правдою,
Неизменушкой я тебе великою!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тярсова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.